УДК 159.92; 159.95; 159.99

К ВОПРОСУ О МЕТАКОГНИТИВНЫХ РЕГУЛЯТОРАХ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

А. В. Тараканов

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: avtar_76@mail.ru; tarakanov@corp.nstu.ru

Статья подготовлена при поддержке Гранта РФФИ,
проект № 19-013-00208

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена жизнеспособности и её метакогнитивных регуляторов, в частности, когнитивных стилей. Жизнеспособность рассмотрена как мультикаузальное явление, интегрирующее в себе различные когнитивные, эмоциональные и личностные аспекты. Анализ, проведенный с привлечением различных методологических подходов: системного, системно-сетевого, интегративного, структурного, позволил выделить и описать компоненты и факторы жизнеспособности. Приведено сравнение понятий «жизнеспособность» и «жизнестойкость». В основу проведенного эмпирического исследования были заложены модель жизнеспособности Е. А. Рыльской, модель жизнестойкости С. Мадди и типология когнитивных стилей А. Харрисона и Р. Брэмсона. В результате исследования, проведенного на студенческой выборке, были выявлены наиболее и наименее выраженные когнитивные стили, а также их взаимосвязи с параметрами жизнеспособности и жизнестойкости. Так, например, наиболее выраженными оказались стили «аналитик» и «реалист», а наименее выраженным – стиль «синтезатор». В противоположные по знаку плеяды сгруппировались корреляции стилей «идеалист» и «прагматик» с параметрами жизнеспособности и жизнестойкости. Установлено, что наибольшую роль в формировании жизнеспособности играют способности к планированию, прогнозированию, рефлексивному анализу, выступающие в роли её метакогнитивных регуляторов. При этом выраженная прагматическая ориентация в мышлении приводит к снижению жизнеспособности.

Ключевые слова: жизнеспособность, жизнестойкость, когнитивные стили, системно-сетевой подход.

Для цитаты: Тараканов А. В. К вопросу о метакогнитивных регуляторах жизнеспособности у студентов вуза // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, №4. С. 4359–4368. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-4-19>

DOI: 10.20913/2618-7515-2020-4-19

ON THE PROBLEM OF METACOGNITIVE REGULATORS OF THE UNIVERSITY STUDENT VIABILITY

Tarakanov, A. V.

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: avtar_76@mail.ru; tarakanov@corp.nstu.ru

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR),
project grant 19-013-00208

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of vitality and its metacognitive regulators, in particular, cognitive styles. The vitality is considered as a multi-causal phenomenon that integrates various cognitive, emotional and personal aspects. The analysis made it possible to identify and describe the components and factors of viability using various methodological approaches: systemic, system-network, inte-

grative, structural ones. The study compares the concepts of «vitality and «hardiness». The base of the empirical study are the model of viability by E. A. Rylskaya, model of hardiness by S. Maddi, and typology of cognitive styles by A. Harrison -R. Bramson. The author identifies the most and least pronounced cognitive styles, as well as their relationship with the parameters of vitality and hardiness based on research on a student sample. So, the most pronounced styles are «analyst» and «realist» styles, and the least pronounced – «synthesizer» style. Correlations of the «idealist» and «pragmatist» styles with the parameters of vitality and hardiness are grouped into opposite pleiads. The study reveals that the ability to plan, predict, reflexive analysis, acting as its metacognitive regulators, play the greatest role in the vitality forming. At the same time, a pronounced pragmatic orientation in thinking leads to the vitality decrease.

Keywords: *vitality, hardiness, cognitive styles, system-network approach.*

For quote: *Tarakanov, A. V. [On the problem of metacognitive regulators of the university student viability]. Professional education in the modern world, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 4359–4368. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-4-19>*

Введение. Жизнеспособность человека представляет собой довольно новое и крайне сложное для психологической науки явление, несмотря на то, что само понятие было сформулировано еще в 70-х гг. XX в., тогда же были предприняты первые попытки его изучения. На сегодняшний день изучение жизнеспособности стало междисциплинарной задачей.

Изначально, исследования, начатые в русле кибернетики и экологии, позволили определить жизнеспособность в терминах адаптивных систем, как форму проявления активности, адаптивности и психофизиологической устойчивости человека (Х. Боссель, А. Дийкстра, Э. Холлнагел, У. Эшби и др.). При этом исследовательскую повестку составил синтез представлений из области психологии, медицины, социологии, антропологии, кибернетики и др., что позволило ввести и обосновать такие категории как адаптация, психологическая устойчивость, стабильность, гомеостаз [1].

В отечественной психологии понятие жизнеспособности было введено Б.Г. Ананьевым, который рассматривал её как способность человека к полноценному и продуктивному функционированию и как один из основных потенциалов развития [2]. С того времени и до наших дней сформировался довольно разнообразный спектр методологических подходов, позволяющих с разных сторон и позиций рассмотреть интересующий нас феномен: системный подход (Э. С. Мاستен, Р. Дистефано), интегративный подход (А.В. Махнач), структурный подход (Е.А. Рыльская). При этом и в определениях жизнеспособности и в самих подходах к разработке данного конструкта не наблюдается единства, как между российскими, так и между зарубежными учеными.

Постановка задачи. В силу того, что исследований жизнеспособности во взаимосвязи с когнитивными структурами психики (в частности с познавательными стилями) практически не проводилось, следует поставить две основные задачи. Первая – рассмотреть ключевые подходы и теории жизнеспособности, жизнестойкости и когнитивных стилей, систематизировать накопленный опыт их изучения. И вторая – изучить вклад когнитивных стилей в регуляцию процессов жизнеспособности человека, провести сравнение групп с разным уровнем жизнеспособности по выраженности и структуре когнитивных стилей.

Методология и методика исследования. В основу проведенного эмпирического исследования были заложены модель жизнеспособности Е.А. Рыльской, модель жизнестойкости С. Мадди и типология когнитивных стилей А. Харрисона и Р. Брэмсона. Были использованы соответствующие данным моделям методики: тест жизнеспособности человека Е.А. Рыльской, тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и опросник «Стили мышления» А. Харрисона и Р. Брэмсона в адаптации А.А. Алексеевой.

Статистическая обработка результатов проводилась при помощи программы Statistica 10.0, были использованы методы корреляционного анализа по Спирмену, а также критерии различий Манна-Уитни и Крускала-Уоллиса.

Исследовательскую выборку составили студенты направления «Лингвистика» факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета в количестве 104 человек. Разделения выборки по половому признаку не осуществлялось.

Результаты. С точки зрения системного подхода, жизнеспособность определяется как возможность успешно адаптироваться при наличии разного рода вызовов и угроз сохранению гомеостаза и развитию человека [3]. При этом человек осуществляет деятельность и реагирует как сложная живая система, в совокупности своих когнитивных, эмоциональных, волевых, мотивационных, ценностно-смысловых

характеристик, свойств и качеств. Данное положение системного подхода предопределило современную научную повестку в исследовании жизнеспособности на много лет вперед. Вместе с тем, в последнее время намечается ослабление догмата о психике как о сугубо вертикально (иерархически) организованной системе. Сетевая парадигма, получившая широкое распространение в философии, социологии и обозначившая свои позиции в психологии, позволяет рассматривать психику не только как вертикально устроенную систему, но и как сложно организованную сеть из психических свойств, качеств и процессов [4]. Тот же модус рассмотрения психических явлений представлен в теории «бутстрапа» J. Chew (от англ. bootstrap – самонастройка, самосогласование) [цит. по 4]. Психические явления представляются в виде динамической паутины взаимосвязанных событий, где все исходные элементы организованы в сложные плеяды, лишённые жесткой причинно-следственной обусловленности.

Применительно к жизнеспособности А. В. Махначом разработана её многокомпонентная интегративная модель, базирующаяся на четырехаспектной экологической модели М. Унгара [5]. Она позволяет посмотреть на жизнеспособность как сложный структурно-сетевой феномен. Согласно автору, в структуру жизнеспособности входят шесть взаимосвязанных компонентов: самооффективность, настойчивость, совладание и адаптация, внутренний локус контроля, семейные / социальные взаимосвязи, духовность / культура. О системно-сетевом характере рассматриваемого явления говорит сама мультикаузальность предложенной модели, включающей в себя четыре тесно взаимосвязанных сферы (области), каждая из которых представлена в вышеуказанных шести компонентах. Это личностные черты и индивидуальные характеристики, система отношений, общество и государство, культура [5]. Теснота их взаимосвязей может проявляться разнопланово: например, черты и характеристики личности могут опосредовать характер отношений с окружающими (или в интрапсихическом аспекте, отношение к себе), так же, как и принятие / отвержение культурных норм и ценностей; а складывающиеся социальные отношения (в зависимости от их характера, модуса и т. п.) способны повлиять на формирование черт и качеств личности.

Не менее важным представляется утверждение о том, что жизнеспособность следует рассматривать как систему представлений человека о присущем ему интегративном качестве (своего рода метаспособности), позволяющем оценить и охарактеризовать состояние каждой из психических сфер (когнитивной, эмоциональной, социальной, нравственной и др.) [5].

Идея метасистемности получила развитие и в рамках структурного подхода. А. И. Лактионова говорит о том, что жизнеспособность при определенных условиях может быть рассмотрена как некоторое «метасистемное», многоуровневое образование, позволяющее человеку противостоять дестабилизирующим событиям в жизни и трудным жизненным обстоятельствам. При этом его компонентами являются индивидуальные способности человека к рефлексии, выступающие в качестве метапроцессуальных регуляторов активности и деятельности [6]. Примечательно и то, что субъектный уровень жизнеспособности не исчерпывает самого понятия, а лишь выступает в качестве связующего начала для остальных уровней (индивидуальный, надиндивидуальный, личностный). Факторы жизнеспособности могут обнаруживаться как во внутриличностной, так и в межличностной и надличностной сферах. Называя жизнеспособность «высоким пределом личностной психической адаптации», А. И. Лактионова центрирует внимание на совокупности определенных личностных свойств и качеств человека, позволяющих ему адаптироваться в неблагоприятных жизненных условиях при наличии экстремальных средовых воздействий [6, с. 90]. При этом спектр данных свойств и качеств довольно широк и не может быть сведен только к активности / пассивности, экстраверсии / интроверсии и т. п., но также включает в себя различные метакогниции, нравственность, наличие гражданской позиции, без которых формирование и сохранение жизнеспособности становится невозможным. А. И. Лактионовой представлены результаты исследований, согласно которым когнитивные метапроцессы выступают для психики в качестве своеобразного «склеивающего начала», позволяющего удерживать ее в целостном равновесном и организованном состоянии [6]. Таким образом, мы видим, что метарегуляция отчасти заложена уже в самой структуре жизнеспособности.

Поскольку адаптация в большинстве представленных концепций рассматривается как основной фактор и ресурс жизнеспособности, то сама жизнеспособность будет также связана с индивидуальной интеграцией таких психических ресурсов адаптации как саморегуляция, самоконтроль, интернальность, рефлексия, позитивные стратегии совладающего поведения и психологические защиты.

Рядом авторов подчеркивается социальный контекст жизнеспособности [7, 8]. А. А. Нестерова со ссылкой на Л. Хойтинк утверждает, что жизнеспособность личности обусловлена четырьмя аспектами системы социальных отношений: социальным оптимизмом, социальной поддержкой, степенью доверия к различным социальным и государственным организациям и доверием к транслируемой в общество (в частности в СМИ) информации [7].

Важность коммуникативных процессов и способностей также отмечается Е. А. Рыльской, утверждающей, что коммуникация может рассматриваться как явление, символизирующее общую коммуникативность, умение и желание подать себя, экспрессивность, раскованность, степень понятности для других [8]. Коммуникация затрагивает практически все сферы психической жизни человека, в ней отображаются когнитивные процессы и функции, эмоциональная и мотивационная составляющие. В данном аспекте коммуникация может быть рассмотрена как способность к общему жизненному дискурсу, а информация, передаваемая в ее процессе, имеет смысловой характер [8]. Говоря о положительных предикторах жизнеспособности Е. А. Рыльская, наряду с коммуникативными способностями, выделяет духовность как интегральную характеристику, объединяющую все остальные факторы. Отрицательными предикторами при этом являются ригидность, интенсивность эмоционально окрашенных жалоб по поводу состояния здоровья, установка открытой жестокости в общении и субъективное ощущение одиночества. Они проявляются как негативное отношение к переменам, блокирующее конструктивные преобразовательные тенденции и стратегии человека, лишаящие его необходимой социальной поддержки [8].

Так или иначе, идеи интеграции и взаимосвязанности психических подструктур в структуре жизнеспособности, наблюдаются во всех вышеописанных подходах и теориях. Вместе с тем именно интегративный подход, разрабатываемый Е. А. Рыльской проливает свет на сущностные характеристики жизнеспособности [8, 9]. Автор склонна рассматривать жизнеспособность как одну из ключевых ментальных способностей человека. Отмечая возрастающий в современной психологии интерес к проблеме жизнеспособности, Е. А. Рыльская утверждает, что в структуре психики данный феномен занимает вполне определенное место, он относится к группе способностей и обладает всеми их признаками: реализует функцию поддержания человеческой жизни, выступает в качестве одного из базовых свойств функциональной системы, обладая при этом определенной количественной выраженностью, а также определяет успешность деятельности и адекватность поведения [8].

Вместе с тем понятие жизнеспособности выводится автором из сугубо когнитивного ключа и помещается в реестр общих способностей человека, имеющих сложную психофизиологическую природу [8].

В отступлении от уровневой модели М. Унгара и А.В. Махнач, Е. А. Рыльская предлагает трехуровневую организацию жизнеспособности, включающую функциональный, операциональный и мотивационный уровни. Функциональный уровень обеспечивает выживание человека через организацию системы его адаптивного поведения, и, в данном случае мы имеем дело, в основном, с врожденными свойствами человека, его способностями как индивида. Операциональный уровень определяет способность человека к производству определенных планов идей, проектов, то есть характеризует его субъективную и творческую сущность. И, наконец, мотивационный уровень жизнеспособности обеспечивает социальную детерминацию отношений, отвечая за социальную гармонию и социальную успешность человека.

В 1970-х гг. американским психологом Сальваторе Мадди была предложена концепция жизнестойкости, вписывающаяся в экзистенциальную модель личности. Изначально жизнеспособность была определена как способность к успешному противостоянию личности стрессовым ситуациям, прежде всего в профессиональной деятельности, однако позже определение было расширено до системы убеждений о себе, об окружающем мире, об отношениях с ним [10]. Структура жизнестойкости включает в себя три компонента, обеспечивающих регуляцию внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях: вовлеченность, контроль, принятие риска. Вовлеченность определяется как убежденность в том, что все происходящее с человеком является потенциально полезным и интересным для него; контроль определяется как способность и возможность управлять своей жизнью, самостоятельно выбирать собственный жизненный путь; принятие риска отражает убежденность человека в том, что любой опыт полезен и может быть извлечен из любых происходящих с человеком событий [10].

Как можно увидеть из приведенного описания, понятия жизнестойкости и жизнеспособности, несмотря на некоторую их комплементарность, все же рознятся в смысловом отношении. Жизнеспособность характеризует возможности и способности человека противостоять тем или иным жизненным трудностям, в то время как жизнестойкость отражает систему убеждений личности относительно ресурсов для подобного противостояния.

Таким образом, мы видим, что при наличии позитивных факторов и благоприятных условий адаптационные системы психики способны к нормальному функционированию и обеспечению жизнеспособности, однако в ситуациях длительного пребывания в неблагоприятных условиях данные системы дают сбой. И вот здесь встает вопрос о дополнительных регуляторах жизнеспособности, к которым могут быть отнесены когнитивные стили.

Проблема когнитивного стиля (в частности, стиля мышления) получила свое рассмотрение в работах А. А. Алексеевой, М. А. Холодной, Л. Н. Собчик, Р. Стернберга, А. Харрисона и М. Брэмсона, К. Г. Юнга и др.

К. Г. Юнг, первым обратившийся к данной проблеме, представил её в типологическом разрезе, что в целом характеризует этап изучения стилевых аспектов когний, свойственный началу XX в. В основе теории психологических типов, разрабатываемой К. Г. Юнгом, лежит критерий, характеризующий направленность человека либо на объекты окружающего мира, либо на его внутренний мир, что в дальнейшем было определено автором как экстраверсия и интроверсия. Данные типы личностной направленности зависят от доминирования основных психических функций таких, как мышление, эмоции, ощущения и интуиция [11].

Согласно концепции К. Г. Юнга, мышление экстравертированного типа характеризуется получением объективных данных, при помощи органов чувств. Для данного типа мышления характерна его направленность вовне, высокая динамичность, отсутствие регрессии и застревания. Для интровертированного типа мышления характерна субъективная направленность, углубленность, стремление постичь внутренний мир, разобраться в нем.

Вместе с тем, типологический подход представлен не таким уж большим количеством теорий, причем некоторые из них со временем обрели статус «научных памятников». Так, например, в рамках конституциональной типологии темперамента Э. Кречмер выявил различия в стилях мышления шизотимов и циклотимов [цит. по 12]. Данные различия обусловлены индивидуальным своеобразием мышления, в основе которого лежат психофизиологические механизмы.

М. А. Холодная вычленяет стилевой подход как отдельный альтернативный взгляд на природу индивидуальных различий в интеллектуальной деятельности. Именно в рамках стилового подхода отмечается появление стиливых «метапонятий», таких как «артикулированность – глобальность», «аналитичность – синтетичность», «образность – вербальность» и «целостность – детальность», описывающих все множество конкретных когнитивных стилей [13, с. 21]. Определяя когнитивный стиль как индивидуально-своеобразные способы переработки информации об окружающем мире и о себе, М. А. Холодная выделяет такие его отличительные признаки как структурность, инструментальность, внешняя позиция по отношению к самому содержанию познавательной деятельности.

Классификация когнитивных стилей, предложенная М. А. Холодной, представляет собой интеграцию идей, представленных в широком спектре подходов, от гештальт-психологии до личностно-ориентированного подхода. В итоге, к когнитивным стилям были отнесены полезависимость-полenezависимость (склонность контролировать свою познавательную деятельность в зависимости от опоры на внешние либо внутренние факторы), ригидность-гибкость, импульсивность-рефлексивность, когнитивная простота-сложность и др. [13].

Вместе с тем, были сделаны и некоторые оригинальные отхождения от общепризнанной концепции. Так Р. Стернбергом была предложена теория стилей мышления по аналогии с функциями государства. Он выделил три основных функции мышления, образующих интеллектуальную среду человека [14]. Данные функции были определены как законодательная, исполнительная и судебная (оценивающая). В соответствии с доминированием той или иной функции, происходит развитие определенного стиля мышления. Так, например, законодательный стиль выражается в предпочтении самостоятельно формировать задачи, исполнительный стиль характеризуется тенденцией к выполнению задач, поставленных другими людьми, а судебный стиль предполагает доминирование оценочной деятельности и контроль при решении проблем. Каждый из перечисленных стилей осуществляется на двух уровнях: глобальном или локальном. Конкретные задачи решаются на локальном уровне, а абстрактные – на глобальном [14]. И поскольку очевидна иерархия решаемых задач, вновь ставится вопрос о метарегуляции.

В теории метакогнитивных процессов особое внимание уделено рефлексии и стилевым особенностям мышления. И данный вопрос рассматривается в рамках другого более широкого вопроса о регулятивной подсистеме психики [15]. Рефлексия как способность к осмыслению, своеобразному мысленному мониторингу собственных психических процессов, состояний и особенностей деятельности, как и когнитивные стили, относятся к процессуальным аспектам психики, позволяющим регулировать деятельность, как в нормальных, так и в экстремальных условиях. А. В. Карпов указывает, что в рефлексивной регуляции все психические процессы представлены целостно, как организованная структура, что придает ей (рефлексивной регуляции) в свою очередь осознаваемый характер [15]. Согласно А. В. Карпову, рефлексия представляет собой процессуальный аспект сознания, содержание которого обеспечивает доступ к содержанию любой психической подсистемы или психическому процессу [16]. По сути, сознание, с присущей ему рефлексивностью и стилевыми особенностями осмысления окружающей реальности и является в широком смысле той метасистемой, которая обеспечивает личности

адекватную и полноценную адаптацию (в том числе социальную). С данными представлениями резонируют идеи Д. Хакера и Л. Бола указывающих на способность метакогнитивных процессов отслеживать и регулировать не только познавательную сферу человека, но и его эмоциональные и мотивационные характеристики [цит. по 6].

Довольно высокую популярность в психологии получила теория А. Харрисона и Р. Брэмсона, в основу которой положена философская система познания К. Черчмена, включающая в себя пять направлений: диалектику, идеализм, прагматизм, символическую логику и эмпиризм. А. Харрисон и М. Брэмсон, по аналогии выделили пять стилей мышления: синтезатор, идеалист, прагматик, аналитик, реалист, и присвоили им соответствующие характеристики [17]. Следует отметить, что в основе предлагаемой типологии лежит критерий, характеризующий интересы человека как к объектам окружающего мира, так и к его внутренней жизни. При этом для каждого стиля определен ряд параметров, таких как характерные особенности, достоинства и недостатки, предпочтения и склонности, а также совокупность индивидуально-типологических вербальных и невербальных проявлений (тон и тембр речи, мимика, кинесика, проксемика и др.). А. Харрисон и Р. Брэмсон указывают, что на основе специфики осуществляемой личностью когнитивной деятельности, даже особенности эмоциональной сферы, так или иначе, проявляются в процессе мышления [17].

Ввиду того, что в предпринятом нами эмпирическом исследовании задействована именно данная типология когнитивных стилей, дадим им соответствующее описание.

Синтетический стиль характеризуется тенденцией к интеграции и синтезу различных идей, теорий, стремлением найти сходство во внешне несовместимых вещах. Представители данного стиля питают интерес к изменениям, происходящим в окружающем мире, во всяком деле сконцентрированы на основополагающих принципиальных допущениях и положениях. Они творчески ориентированы, склонны выражать альтернативные оппозиционные мнения, концепции. К недостаткам стиля можно отнести своего рода нетолерантность к соглашениям, излишнюю настойчивость в достижении тех или иных изменений, преобразований, а также чрезмерную увлеченность теоретизированием.

Идеалистический стиль отличается склонностью к выдвижению различных идей и концепций абстрактного характера, стремлением к совершенным безупречным решениям, высоким уровнем перфекционизма в мыслительной деятельности. Ярким достоинством представителей данного типа является способность к четкой постановке целей, стратегическому планированию, они лучше других работают в неструктурированных, не поддающихся рациональному прогнозу ситуациях. Вместе с тем, они склонны к прокрастинации, к затягиванию решений при достаточно большом выборе вариантов, могут не замечать важных деталей.

Для прагматического стиля характерен поиск кратчайших путей к получению результата, отдачи, прибыли. Представители данного типа питают интерес к инновациям, но только к тем, которые позволяют быстрее достичь поставленных перед ними целей. К сильным сторонам типа относятся концентрированность на отдаче, способность работать в непредвиденных экстремальных ситуациях, изыскивать пути и способы влияния, воздействия. Вместе с тем, прагматики склонны проявлять безразличие к долгосрочным аспектам того или иного дела, в погоне за быстрым результатом они могут пренебрегать межличностными отношениями и интересами других людей.

Аналитический стиль связан, в первую очередь, со стремлением найти наилучший способ решения той или иной умственной или практической задачи. Представители данного типа склонны к различным теоретизациям, способствующим решению поставленных задач, питают интерес к научным решениям, формулам и моделям. К основным достоинствам «аналитиков» можно отнести их способность к планированию, структурированию и прогнозированию, а также к работе с данными, не поддающимися однозначной интерпретации. Недостатками стиля являются склонность его представителей проявлять безразличие к человеческим ценностям и внутреннему миру личности, негибкость, сверхосторожность.

Реалистический стиль отличается интересом к конкретным результатам, его представители склонны отдавать предпочтение фактам и результатам эмпирического поиска, нежели теории. При принятии решений они полагаются на факты и мнения экспертов. Они хорошо ориентируются в структурированных ситуациях, но плохо переносят неопределенность. В процессе групповой деятельности выступают в качестве хороших мотиваторов, обеспечивают активную деятельность. К недостаткам стиля относятся стремление к излишне упрощенным решениям, склонность к переоценке полученных данных и фактов [17].

К основным факторам формирования стилей мышления относятся социальные условия, условия обучения и развития, образ жизни. Это наглядно представлено в современных исследованиях, в которых намечается некоторый возврат к средовому подходу. Liedtke J. и Fromhage L. указывают на неоднозначность и сложность данных, полученных в результате проведенным ими исследований: когнитивные

стили, с одной стороны, базируются на определенной совокупности когнитивных и личностных факторов, а с другой – их формирование во многом зависит от социально-средовых факторов, от тех условий в которых человек живет. Поэтому в разных обстоятельствах, люди, схожие по психотипу, могут проявлять себя по-разному [18].

Выделяется кластер исследований, указывающих на связь когнитивных стилей и академической успеваемости (Lopez O., Kamargo A.). Когнитивный стиль может быть определен как предпочтение обучающихся при обработке информации и решении учебных задач в различных контекстах [19]. Предпочитаемый когнитивный стиль ложится в основу формирования того или иного стиля обучения и наибольшую академическую успеваемость при этом демонстрируют полнезависимые студенты (в отличие от полнезависимых).

Стоит отметить, что стиль мышления непосредственно влияет не только на успешность профессионального обучения, но и на успешность профессиональной деятельности человека. Так, результаты исследования, проведенного А. В. Ачиной, направленного на определение успешности решения профессиональных задач, показали, что у студентов с выраженными прагматическим элементом и элементами полнезависимости в когнитивном стиле в процессе решения профессиональных задач значительно реже фиксируется наличие этических компонентов в структуре профессиональных умений и навыков [20]. Автор отмечает, что выявлены значимые различия в процессуальных, содержательных и результативных характеристиках решения задач у студентов и специалистов с разными стилями мышления. При этом по-разному обеспечивается развитие семиотического, логического, технического и деонтологического компонентов профессиональных способностей и навыков.

Результаты проведенного эмпирического исследования позволили сложить следующую картину. Все показатели жизнеспособности (способности к адаптации, саморегуляции, саморазвитию, осмысленность жизни) расположились в диапазоне средних значений (процентильный разброс от 52,3% до 57,1%), при этом выборка по сводному показателю жизнеспособности характеризуется левосторонним асимметричным распределением признака. Наиболее выраженным оказался параметр «Способности к саморегуляции» (57,1%), наименее выраженным – «Способности к саморазвитию» (52,3%). Несмотря на то, что различия между данными параметрами не достигают уровня статистической значимости, тенденции тем не менее заметны, хотя и на первый взгляд весьма трудно поддаются объяснению. Саморегуляция для современного студенчества оказывается наиболее важной задачей и первостепенным процессом, преобладающим над задачами саморазвития и самосовершенствования. Подобная обеспокоенность регуляцией, управлением своими состояниями и действиями может говорить о смещении внимания студенческой молодежи с задач освоения профессии на решение определенных интрапсихических проблем. При этом следует отметить, что респондентов с высоким уровнем жизнеспособности в выборке выявлено не было. Соответственно, можно говорить о том, что при общем низком или среднем уровне жизнеспособности, ее параметры отвечающие за базовый витальный уровень выступают на первый план, а параметры обеспечивающие осмысленность жизни и саморазвитие отступают на второй.

По тесту жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д. А. Леонтьева) наиболее развитым и, соответственно, выраженным в выборке оказался параметр «Вовлеченность» (65,2%), который существенно отстоит от параметров «Контроль» и «Принятие риска» (57,5% и 58,7% соответственно). Обозначим еще раз, что вовлеченность определяется как своего рода способность получать удовольствие от выполняемой деятельности, в противоположность чувству отвергнутости, ощущению себя «вне» жизни. Это процессуальная составляющая жизнестойкости, отражающая стремление и способность человека находиться «в процессе» жизни, ощущать ее течение. М. Чиксентмихайи в рамках разрабатываемой им концепции «потока» говорит о том, что состояние потока характеризуется полной поглощенностью человека выполняемой им деятельностью [21]. Вместе с тем, для развития личности крайне важным является сосредоточенность на выполняемой им деятельности и ее осознанность. В данном случае отстояние фактора контроля может говорить о том, что для современной студенческой молодежи свойственна гедонистическая направленность, стремление не столько реализовать себя в профессиональной или иной продуктивной деятельности, сколько получить наслаждение от не требующих напряжения аспектов этой деятельности.

Изучение стилей мышления по методике А. Харрисона и М. Брэмсона показало, что наиболее выраженными оказались стили «аналитик» и «реалист» (средний балл – 58,8 и 56,8 из 90 потенциально возможных). Наименее выраженным оказался стиль «синтезатор» (средний балл – 49,8 из 90 возможных). Медианное положение заняли стили «идеалист» и «прагматик» (средний балл – 52,3 и 54,3 соответственно). Относительно высокую выраженность стилей «аналитик» и «реалист» во многом можно объяснить требованиями времени и современного рынка труда, на котором востребованы специалисты

с такими качествами и компетенциями как умение найти быстрый и точный ответ, быстрое решение той или иной предлагаемой задачи, способность к адекватному и четкому планированию своей деятельности, прогнозированию её позитивных и негативных вариантов осуществления, умение отличать беспочвенные прожекты от реальных решений. Вместе с тем, синтетический и идеалистический стили, дающие возможность широкого взгляда на существующее положение вещей, умение творчески решать те или иные проблемные ситуации, оказываются фрустрированными, слабо востребованными.

Вместе с тем, разделение выборки на подгруппы с низкой и средней жизнеспособностью (высоких показателей в выборке зафиксировано не было) и дальнейшее их сопоставление при помощи критерия Манна-Уитни не выявило значимых различий по выраженности когнитивных стилей.

Для того чтобы изучить возможности опосредования тех или иных аспектов жизнеспособности когнитивными стилями, а также изучить возможности их взаимовлияния, мы провели корреляционный анализ полученных данных при помощи критерия ранговой корреляции Ч. Спирмена.

Были обнаружены, на первый взгляд, неожиданные корреляции между выраженностью когнитивных стилей, параметрами жизнеспособности и жизнестойкости. В прямо противоположные по знаку плеяды с параметрами жизнеспособности вышли идеалистический и прагматический стили. Так, были зафиксированы положительные взаимосвязи выраженности идеалистического стиля с параметрами «способность к адаптации» ($R_s = 0,21$ при $p \leq 0,05$) и «осмысленность жизни» ($R_s = 0,20$ при $p \leq 0,05$) и отрицательные взаимосвязи выраженности прагматического стиля с параметрами «способность к адаптации» ($R_s = -0,21$ при $p \leq 0,05$), «способность к саморегуляции» ($R_s = -0,33$ при $p \leq 0,05$), «общая жизнеспособность» ($R_s = -0,20$ при $p \leq 0,05$).

Такие характеристики идеалистического стиля как склонность к абстрагированию, перфекционизм в мыслительной деятельности и принятии решений, могут негативно влиять на общую жизнеспособность человека, однако иная его сторона, выражающаяся в способности адекватно планировать, ставить четкие и ясные цели, а также работать в неструктурированных, не поддающихся рациональному прогнозу ситуациях, как раз становятся залогом успешной адаптации и внесению смысла в деятельность человека. Вместе с тем, прагматизм, тенденция к получению быстрой выгоды негативно сказывается на адаптационных возможностях и способностях человека, особенно в тех случаях, когда условия адаптации ставят перед человеком долгосрочные задачи, связанные с отложенным результатом его деятельности, либо со сложными социальными отношениями. И чем выше выраженность прагматических тенденций в поведении и деятельности, тем ниже способность человека регулировать собственные эмоционально-волевые процессы и его жизнеспособность в целом.

В отдельную плеяду вышли корреляции между выраженностью аналитического стиля и такими параметрами жизнестойкости как «вовлеченность» ($R_s = 0,27$ при $p \leq 0,05$), «контроль» ($R_s = 0,36$ при $p \leq 0,05$), «общая жизнестойкость» ($R_s = 0,30$ при $p \leq 0,05$). Поскольку жизнестойкость определяется как система убеждений о себе, о тех своих качествах и способностях, которые позволяют человеку выдерживать и эффективно преодолевать стрессовые ситуации, именно умение анализировать и структурировать свой внутренний мир позволяет человеку быть жизнестойким. Выраженные аналитические способности помогают человеку противостоять разного рода тревогам (в том числе онтологической тревоге), преодолевать ощущение одиночества, покинутости и т.п. Умение адекватно анализировать и планировать порождает вовлеченность в осуществляемую человеком деятельность, стимулирует способность получать от неё удовольствие, чувствовать себя способным, полномочным принимать решения.

Д. А. Леонтьев указывает, что основные компоненты жизнестойкости развиваются в детстве и для их развития необходимы принятие, поддержка и одобрение со стороны родителей [22]. Результаты нашего исследования в части жизнестойкости показывают, что не менее важным является развитие способности ко всестороннему анализу происходящего, становление рефлексивной культуры личности.

Выводы. В целом, мы приходим к заключению о том, что жизнеспособность человека в когнитивном плане обеспечивается, в первую очередь, выраженными аналитическими способностями, а также способностями к стратегическому планированию, постановке целей, прогнозированию, диалектичностью мышления, умению принимать неоднозначность. Именно эти способности крайне важны в современных условиях, когда человеку часто приходится принимать решения и действовать в ситуациях неопределенности, что собственно и обеспечивает активную адаптацию и жизнеспособность. Полученные в исследовании результаты раскрывают горизонты последующих разработок в данном направлении, а именно, выявления новых метакогнитивных регуляторов жизнеспособности, таких как рефлексия, креативность, ценностно-смысловые ориентации и др. Их обнаружение и изучение их вклада в формирование и поддержание жизнеспособности, поможет ответить и на ряд других смежных вопросов – какими психическими структурами обеспечивается адаптация человека, осмысленность его деятельности и высокое качество жизни в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Махнач А. В., Дикая Л. Г. Междисциплинарные и межсистемные исследования жизнеспособности человека: состояние и перспективы (вместо введения) // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты*. Москва, 2016. С. 7–28.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 343 с.
3. Masten A. S. *Ordinary magic: resilience in development*. New York: Guilford Press, 2014. 370 p.
4. Зеленкова Т. В. О сетевой парадигме в психологии // *Методология и история психологии*. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 18–28.
5. Махнач А. В. *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. Москва: Ин-т психологии РАН, 2016. 459 с.
6. Рыльская Е. А. Жизнеспособность как потенциал целостности человека и его бытия: интегративный подход // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты*. Москва, 2016. С. 111–126.
7. Лактионова А. И. Жизнеспособность человека: метакогнитивный подход // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты*. Москва, 2016. С. 88–110.
8. Рыльская Е. А. К вопросу о психологической жизнеспособности человека: концептуальная модель и эмпирический опыт // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2011. Т. 8, №3. С. 9–38.
9. Рыльская Е. А. Жизнеспособность человека: понятие и концептуальные основы исследования // *Сибирский психологический журнал*. 2009. № 31. С. 6–12.
10. Maddi S., Khoshaba D. Hardiness and Mental Health // *Journal of Personality Assessment*. 1994. Vol. 63, №2. P. 265–274.
11. Юнг К. Г. Психологические типы. Москва: Унив. кн.: АСТ, 1998. 720 с.
12. Собчик Л. Н. Введение в психологию индивидуальности. Москва: Ин-т прикладной психологии, 1997. 469 с.
13. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 384 с.
14. Sternberg R. J. Mental self-government: A theory of intellectual styles and their development // *Human Development*. 1998. Vol. 31. P. 197–221.
15. Карпов А. В. *Метасистемная организация уровней структур психики*. Москва: Институт психологии РАН, 2004. 504 с.
16. Карпов А. В. О понятии метакогнитивных способностей личности // Психология способностей и одаренности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (21–22 нояб. 2019 г.). Ярославль, 2019. с. 40–44.
17. Harrison A. F., Bramson R. M. *The art of thinking: strategies for asking questions, making decisions, and solving problems*. New York: Berkley Books, 1984. 208 p.
18. Liedtke J., Fromhage L. Modelling the evolution of cognitive styles // *Evolutionary Biology*. 2019. Vol. 19, art. 234. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12862-019-1565-2>.
19. Lopez O., Kamargo A. Cognitive style and academic achievement // *Educación y Educadores*. 2011. Vol. 14, №1. P. 67–82.
20. Ачина А. В. Анализ взаимосвязей между стилями мышления и параметрами решения психодиагностических задач у студентов-психологов и психологов-практиков // *Российский психологический журнал*. 2012. №3. С. 65–71.
21. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. Изд. 3-е. Москва: Смысл, 2013. 461 с.
22. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. Москва: Смысл, 2006. 63 с.

REFERENCES

1. Makhnach A. V., Dikaya L. G. Interdisciplinary and intersystem studies of human viability: state and prospects. *Human viability: individual, professional and social aspects* [ed. A. V. Makhnach, L. G. Dikaya]. Moscow, 2016, pp. 7–28. (In Russ.)
2. Ananiev B. G. *Man as a subject of knowledge*. Leningrad, Leningrad Univ. Publi. House, 1968, 343 p. (In Russ.)
3. Masten A. S. *Ordinary magic: Resilience in development*. New York, Guilford Press, 2014, 370 p.
4. Zelenkova T. V. On the network paradigm in psychology. *Methodology and History of Psychology*, 2007, vol. 2, no. 3, pp. 18–28. (In Russ.)
5. Makhnach A. V. *Viability of man and family: social and psychological paradigm*. Moscow, Inst. of Psychology RAS, 2016, 459 p. (In Russ.)

6. Rylskaya E.A. Viability as the potential of the integrity of a person and his existence: an integrative approach. *Human vitality: individual, professional and social aspects*. Moscow, 2016, pp. 111–126. (In Russ.)
7. Laktionova A. I. Viability as the potential of the integrity of a person and his being: an integrative approach. *Human vitality: individual, professional and social aspects*. Moscow, 2016, pp. 88–110. (In Russ.)
8. Rylskaya E.A. On the problem of a person psychological vitality: a conceptual model and empirical experience. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2011, vol. 8, no. 3, pp. 9–38. (In Russ.).
9. Rylskaya E.A. Human vitality: concept and conceptual foundations of research. *Siberian Psychological Journal*, 2009, no. 31, pp. 6–12. (In Russ.).
10. Maddi S., Khoshaba D. Hardiness and mental health. *Journal of Personality Assessment*, 1994, vol. 63, no. 2, pp. 265–274.
11. Jung K. G. *Psychological types*. Moscow, Univ. book, AST, 1998, 720 p. (In Russ.)
12. Sobchik L. N. *Introduction to the psychology of individuality*. Moscow, Inst. of Appl. Psychology, 1997. 469 p. (In Russ.)
13. Holodnaya M.A. *Cognitive styles. On the nature of the individual mind*. 2nd ed. Saint Petersburg, Peter, 2004, 384 p. (In Russ.)
14. Sternberg R. J. Mental self-government: a theory of intellectual styles and their development. *Human Development*, 1998, vol. 31, pp. 197–221.
15. Karpov A. V. *Metasystemic organization of level structures of the psyche*. Moscow, Inst. of Psychology RAS, 2004, 504 p. (In Russ.)
16. Karpov A. V. On the concept of metacognitive abilities of a person. *Psychology of abilities and giftedness: proc. of the All-Russ. sci.-pract. conf.* (Nov. 21–22, 2019). Yaroslavl, 2019, pp. 40–44. (In Russ.)
17. Harrison A. F., Bramson R. M. *The art of thinking: strategies for asking questions, making decisions, and solving problems*. New York, Berkley Books, 1984, 208 p.
18. Liedtke J., Fromhage L. Modelling the evolution of cognitive styles. *Evolutionary Biology*, 2019, vol. 19, art. 234, pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12862-019-1565-2>.
19. Lopez O., Kamargo A. Cognitive style and academic achievement. *Educación y Educadores*, 2011, vol. 14, no. 1, pp. 67–82.
20. Achina A. V. Analysis of the relationship between the styles of thinking and the parameters of the solution of psychodiagnostic tasks among student psychologists and practicing psychologists. *Russian Psychological Journal*, 2012, no. 3, pp. 65–71. (In Russ.)
21. Chiksentmikhaii M. *Stream: the psychology of optimal experience*. 3rd ed. Moscow, Smysl, 2013, 461 p. (In Russ.)
22. Leontyev D. A., Rasskazova E. I. *Test of hardiness*. Moscow, Smysl, 2006, 63 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Тараканов Антон Вениаминович – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет» (Российская Федерация, Новосибирск, 630073, пр-т К. Маркса, 20, e-mail: avtar_76@mail.ru; tarakanov@corp.nstu.ru).

Статья поступила в редакцию 19.08.20

После доработки 08.11.20

Принята к публикации 09.11.20

Information about the author

Anton V. Tarakanov – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Novosibirsk State Technical University (20 K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation, e-mail: avtar_76@mail.ru; tarakanov@corp.nstu.ru).

The paper was submitted 19.08.20

Received after reworking 08.11.20

Accepted for publication 09.11.20